

В то же время на далёкой реке Оман, на пути к Тяньинь.

Резкий холод обдал спину князя Мина из Силэй.

— Молодой господин, Вы дрожите, — и свободно свисающая до этого рука крепко прижалась к телу. Подобный жест, конечно же, был проявлен никем иным, как Ло Юнем, который стоял плечом к плечу с Фэн Мином и который первым почувствовал, что князю Мину холодно.

Однако в голосе не было той нотки пренебрежения и насмешки, что обычно. Больше их не осталось, так как сегодня ночью столетиями процветающее и прославленное имя неугасающего рода Сяо потерпело жестокое поражение.

На поверхности реки Оман шум холодного ветра и горящего пламени, слившись воедино, порождали странный, режущий слух вой, который взмывал в ночное небо, залитое красным от по-прежнему охваченных огнём кораблей, что ходили раньше под всемирно известным знаменем рода Сяо.

После первого ожесточённого «раунда» измазанные как кровью врага, так и кровью своих сородников люди были вымотаны[1].

С вражеской загадочной головной джонки донёлся необычный звук горна, он звучал надрывно, словно призрак, кружащийся в ночном небе, однако после, как это страшное «завывание» окончилось, над поверхностью реки Оман воцарилась мёртвая тишина.

За очередным «раундом», который мог оказаться роковым[2] для всех людей рода Сяо, возможно, далеко ходить не нужно было. Тень смерти своими когтистыми руками сдавливала сердце каждого из свиты Его Светлости.

Будто охваченный морозом воздух в мёртвой тишине стал ещё более ненавистным. Наплыв брёвен, что до этого стали ловушкой для кораблей, уменьшился, и их натиск больше не нёс той прежней мощи, однако всё равно это совершенно не помогало делу. Паруса, сделанные из грубой кожи, что служила своего рода панцирем, шести джонок, включая личный корабль царствующего дядюшки Тун, при пожаре сгорели, а от натиска брёвен в корабельном дне образовалась достаточно огромная пробоина, сквозь которую сейчас нескончаемым потоком вливалась речная вода, медленно заполняя трюм и наклоняя на один бок судно Его Светлости.

Всё было ясно, как солнечный день[3]: потерявший контроль караван судов рода Сяо, даже если бы на месте пиратов была обычная военная джонка, с трудом мог нанести ответный удар, не говоря уже о том, чтобы дать отпор находящимся впереди поистине могущественным пиратским кораблям.

Находясь крайне близко от «неизвестно откуда взявшихся здесь пиратов», Фэн Мин вместе с не боящимися смерти[4] подчинёнными в недоумении смотрел на неприятеля.

Отбросив в сторону стрелы, Жун Ху вновь сжал рукоять меча и, стоя рядом с Его Светлостью, серьёзно оценивал готовое вспыхнуть от малейшей искры опасное положение:

— Такая жестокость, боюсь, это знаменитые своей необычайной кровожадностью даньлинские морские разбойники.

Фэн Мин втянул ртом прохладный воздух. Теперь можно было сказать — действительно безвинно убиенные. А он, князь, по ошибке считал катастрофой встречу с наследным принцем Тун, сумасшедшим Цин Ли, который на каждом шагу кричал о мести за своего отца или что-то в этом роде. Но кто бы мог подумать, что они окажутся разгромлены, да ещё в ловушке, из которой не было спасения, расставленной неизвестно откуда взявшимися на реке Оман даньлинскими пиратами?

Вот только одного князь понять не мог, как ни старался — как, а главное чем мог оскорбить столько людей? Но при мысли о Цзы Яне сердце оборвалось.

В письме Цзы Яня говорилось: чтобы князь Мин проложил путь к светящемуся песку в Даньлин, он, Цзы Янь, собирается бросить вызов морским разбойникам, обитающим в проливе Модунхай. А сейчас незаметные корабли этих самых пиратов без какого-либо повода внезапно напали на суда рода Сяо, неужели...

— Цзы Янь! — тихо вскрикнул Фэн Мин и с беспокойством посмотрел на Жун Ху, на лице которого застыла печаль.

С того момента, как Ло Дэн крикнул, указывая на противоположную сторону, о нападении пиратов, Жун Ху, в свою очередь, догадался, что возможное вторжение исходит от даньлинских морских пиратов, но с появлением разбойников охранник Силэй предположил, что с Цзы Янем, возможно, случилась беда. Однако, вися на волоске от гибели[5], рассказать о своих предположениях князю Мину значило вызвать только напрасно возрастающее беспокойство, так как сейчас возникал самый главный вопрос — как спасти Его Светлость из создавшейся опасной ситуации.

— Жун Ху, неужели Цзы Яня...

— Именно сейчас? Молодой господин, находясь в таком положении, думает о совершенно пустяковых делах? — холодно прервал его Ло Юнь.

Несмотря на то, что юноша был немного младше князя, однако гибели повидал намного больше, чем Его Светлость, и к жизни и смерти, наоборот, относился более открыто.

— Молодой господин! — в глазах Ло Дэна, который всё это время с затаившимся дыханием наблюдал за любым движением противника, внезапно проскользнул настороженный и острый блеск, а сам мужчина, застыв, проговорил: — Молодой господин, скорее посмотрите! Вражеский корабль двинулся с места!

Князь посмотрел вперёд, где действительно тот необычайно устрашающий корабль медленно тронулся с места, и смутно различил, что на передней «панцирной» части судна кто-то размахивал флагом, отдавая приказ остальным. Юноша не понимал, что это за приказ, но в общих чертах смысл его можно было уловить: остальные суда, получив его, медленно вернулись к первоначальному положению, в ночном небе сливаясь в один ряд с другими кораблями.

Управляющий караваном судов Ло Дэн очень хорошо понимал передвижение врага и, сменив прежнее выражение лица на удивление, выплюнул:

— Ха? Неприятель остановил наступление?

Фэн Мин, как и другие, не смел поверить в происходящее. Ведь с его стороны суда вот-вот потерпели бы поражение, да и они находились в разных условиях с противником, который мог с лёгкостью расквитаться, добить их. Так почему же враг внезапно прекратил нападение?

И ведь действительно вражеские суда отступали: только что спустившиеся по течению реки корабли, которые не пошли атакой на джонки рода Сяо, а, наоборот, окружили их как спереди, так и сзади, создавая опасное положение, сейчас, получив приказ от головного судна, неспешно направив паруса, вновь двинулись в сторону своего главаря.

Пять джонок, подвергшись атаке, с трудом оставались на плаву, а накренившаяся на один бок большая джонка рода Сяо не внушала доверия — казалось, она это сделала специально, чтобы заманить противника в засаду, сами же проплывавшие мимо и державшиеся на расстоянии ли вражеские суда были хорошо охраняемы и в любой момент, выстроив укрепление, внезапно могли атаковать противника. Но, похоже, они и впрямь отступали.

В течение всего процесса обе стороны сохраняли бросающиеся в глаза крайние настороженность и невозмутимость. Пираты, конечно, неукоснительно исполняли отданный главарём приказ к отступлению, даже стоящие в стороне люди рода Сяо, изначально обречённые на провал, не были настолько глупы, чтобы осмелиться вновь спровоцировать войну. В мёртвой до жути тишине только что пролившие реки крови на реке Оман враги неожиданно пересеклись.

Держа меч в руках и затаив дыхание, Фэн Мин смотрел на разворачивающуюся перед глазами картину, о которой ещё несколько минут назад помыслить не мог. Изначально создавшие междоусобную войну две «флотилии» постепенно разделились и с заметной разницей[6] заняли две позиции — вверх и вниз по течению.

На что Жун Ху внезапно прервал молчание:

— Князь Мин, корабль их главаря направляется к нашей джонке.

На самом деле каждый видел, как наиболее могущественный со стороны неприятеля, а,

возможно, ещё самый боеспособный, мощный главный корабль упрямо надвигался на головную джонку рода Сяо, которая хоть и являлась огромной по форме, однако, подвергшись атакам неприятеля, сейчас находилась в плачевном состоянии: полностью разрушенные ограждения; подожжённые горящими стрелами и охваченные огнём главный и второй паруса; вода, проникающая в зияющую пробоину и заполняющая трюм — в любой момент джонка могла затонуть.

В этом она проигрывала неприятельскому судну, которое и вовсе не участвовало в войне, а сейчас целёхонькое приближалось к ним и вызывало неопикуемый ужас и давление одним своим устрашающим видом.

Фэн Мин пристально наблюдал, как с противоположной стороны подплывает длинный «ладьевидной» формы корабль, передняя часть которого была выполнена явно из золота, что объясняло: этот корабль создан специально для сражений и атак под тип военной джонки. Невольно кожа на голове юноши онемела, а в душе только и могло пронестись: «Я, князь Мин, по-прежнему отдаю себя на растерзание».

«Возмутительно! Каждый раз, дойдя до определённого момента, кажется неизбежным финал этой опостылевшей мыльной оперы[7] — похищение со стороны Мяо Гуан, потом похищение со стороны Бо Лина и третьей принцессы; то Жо Янь, то Дунфань решила провернуть этот трюк, а на этот раз вообще какой-то грёбаный[8] пират!»

Раньше для этого всего хоть прибежали к уловкам, а сейчас и вовсе — находясь под двойной охраной выдающихся солдат Силэй и банды головорезов рода Сяо, князь неожиданно подвергся атаке, да такой, что головы не поднять[9]. Для самодовольного рода Сяо, по слухам которому никто на реке Оман не смел кинуть вызов, подобное нападение всё равно, что у входа в собственной дом подвергнутся жестокому избиению и с позором броситься бежать к дому бабушки[10]!

Противник выглядел беззаботно и бесстрашно, гордо подплыв к головной джонке рода Сяо, он остановился в трёх метрах[11], не достигая носа судна. Несмотря на течение, которое несло вниз, корабль внезапно прекратил движение вперёд, отчего не только Фэн Мин, но и остальные люди на борту были потрясены до глубины души.

Даже мало сведущий в кораблях человек всё понял — такое простое на вид действие полностью зависело от многих опытных моряков, которые много лет несли паруса, опираясь на крайне устойчивую конструкцию судна, потому смогли удачно провернуть подобное.

Противник демонстрирует свою мощь!

Увидев, как враг хвастается своей силой перед хозяином тонущего судна, симпатичный Ло Юнь, высоко ценивший репутацию Сяо, как если бы она являлась жизнью, помрачнел и выплюнул:

— Тварь.

— Что же они, в конце концов, собираются делать? — нахмурил брови Фэн Мин.

Два корабля скоро собирались сблизиться, но даже изредка дувший речной ветерок не мог развеять удушающую тяжесть, витающую в воздухе. Всё ещё царивший там запах крови заполнял поверхность реки.

Шух! Внезапно со стороны противника зажглись пара-тройка фонарей, заливая ярким светом палубу и ослепляя людей Его Светлости. После того, как глаза привыкли к огню, что был подобен свалившемуся на голову снегу, все увидели расставленные на палубе в разных местах огромные печи — одно неизвестно, какими способами эти пираты заставили одновременно их загореться.

Стоящий рядом с Фэн Мином Жун Ху приглушённо сказал:

— Давно ходят слухи, что морские разбойники Даньлинь знают, как играть на настроении людей, вызвать у противника страх; большая часть торговых судов, что подверглись их грабежу, при следующей с ними встрече, не важно, есть ли на борту бдительная охрана или нет, без сражения, разумеется, сдаются и жертвуют всеми сокровищами, что есть на борту. А сейчас мы видим, вероятно, один из таких методов их запугивания.

На что князь неспешно кивнул:

— Это очень существенная тактика психологической войны.

— Им нужны сокровища, что на борту? — кто-то из толпы, стоящей сзади, открыл рот, не удержавшись.

Ло Юнь уже было хотел что-то ответить, но Его Светлость без раздумья прервал его:

— Если только ради сокровищ, то зачем тогда нужны были брёвна? Если джонка затонет, сокровища тоже пойдут ко дну, чтобы их достать, понадобится время, а эта территория, в конце концов, не даньлинский пролив, многочисленная армия Тун в любое время может явиться и устроить войну.

Ло Юнь в душе изумился. Только что Фэн Мина била дрожь, и охранник прекрасно это знал. Юноша предполагал, что этот молодой господин после первого кровопролитного сражения даст волю чувствам и, проявив двухминутную показную самоотверженность, вновь станет тем тщедушным по характеру трусом, но кто бы мог подумать, что молодой господин обретёт ещё и способность думать в такой ситуации. К тому же в сказанных князем словах была доля проницательности.

— Они выходят, — заметил кто-то приглушённо.

Тотчас с крайней осторожностью люди пристально посмотрели вперёд. На ярко освещённой

противоположной палубе можно было ясно увидеть, как под неотрывным взором окружающих бойцов дверь, ведущая в каюты, медленно распахнулась, и так же медленно на палубу вышли два высоких мужчины, один из которых шёл впереди, а второй — сзади: сразу ясно было, кто из них хозяин, а кто слуга.

Подобная беззаботность выглядела крайне возмутительной. Расстояние между стоящими напротив друг друга кораблями было небольшим, потому всё происходящее на противоположном борту как князю, так и остальным открывалось яснее, чем в солнечный день.

В одежде двух мужчин заметно было отличие, особенно у того, кто шёл впереди — на ремне, что украшали разноцветные и крайне редкие драгоценности, не висел меч, само же настроение хозяина казалось ленивым, будто он только-только избавился от приятного послеполуденного сна. Заведя руки за спину, мужчина подошёл к носу корабля, тем самым вставая лицом к лицу с Фэн Мином и его уцелевшими людьми, которые сейчас сжимали мечи и были сплошь залиты кровью.

Даже если сравнивать, два корабля поистине напоминали совершенно разные миры, один из которых больше смахивал на мифическое поле битвы асуров с Индрой[12], а второй — уютное гнёздышко, полное нежности и ласки.

Двое мужчин, стоящие каждый на носу своего судна, уставились друг на друга. Фэн Мин смотрел на находящегося напротив странного мужчину, который, в свою очередь, окидывал серьёзным взглядом самого князя, после чего со злой ухмылкой, которая не сходила с уст всё это время, пошутил, поднимая уголок губ ещё выше:

— Князь Мин из Силэй? Молодой господин рода Сяо? Фэн Мин? — последние слова с кончика языка слетели с игривыми нотками, в которых улавливалась двусмысленность.

Жун Ху с Ло Юнем так разозлились, что брови сошлись на переносице, создавая глубокую складку на лбу.

Тем временем Фэн Мин в важный момент, наоборот, мог даже шуткой заставить врасплох, ведь во всяком случае он, князь, уже мясо на кухонной доске[13], так лучше уж разбить и без того треснутый кувшин[14], и, с шипением рассмеявшись, он обнажил сияющую улыбку, как обычно, легко хваля:

— Кто бы мог подумать, что сегодня даже главарь морских разбойников может выглядеть таким угрожающим.

Сейчас, сражаясь изо всех сил, не в состоянии защитить честь семьи, а с мечём, что крепко сжимаешь в руках, можешь только стать посмешищем, уж лучше расслабить пальцы, которые вцепились в рукоять. Что, собственно, он, Фэн Мин, и сделал, после чего, слегка разжав кулаки, князь прибег к правилу «сначала — этикет, потом — оружие»[15] и изящно ответил:

— Я — Фэн Мин, и поскольку мне неизвестно имя главаря всемирно известных даньлинских пиратов, не могли бы Вы сообразить представиться[16]?

Сохраняя спокойствие, князь вызывал крайнее удивление и тотчас же заставил рядом стоящего Ло Юня, а также остальных своих людей, переменить мнение о себе. Ведь следовало иметь в виду, что люди Сяо Цзуна являлись крайне заносчивыми мужами, каждый из которых предпочитал бы умереть, чем покориться, более того, находясь в подобной ситуации, они чувствовали дрожь своего желчного пузыря[17], им даже в голову не приходило, что ещё вчера их бесполезный молодой господин, столкнувшись с сегодняшнем ночным нападением, их всех сильно удивит.

Хэ Ди вместе с Кун Лю, опираясь на выгодное положение, полученное в недавнем бою, даже на страх, охвативший людей Фэн Мина, также были несколько удивлены, увидев улыбку на лице Его Светлости. По слухам, этот тип, князь Мин, только благодаря безграничной любви императора Силэй везде создавал шумиху, да и на личико выглядел недурственно, однако теперь, как оказалось, он обладал не только вышеуказанными молвой достоинствами.

Если бы только он сам в любой момент приказал, тотчас же можно было уничтожить его, но кто бы мог подумать, что он не настолько напуган, чтобы с дрожью во всём теле упасть на колени, прося пощады. Этот стоящий перед Хэ Ди выдающийся и красивый молодой мужчина всё равно считался самым превосходным из всей знати одиннадцати государств. С самого начала тот отважный генерал — Цзы Янь — хотел защитить именно этого человека. В голове вновь промелькнул силуэт Цзы Яня, сидящего в одинокой лодке под покровом ночи и ушедшего в свои мысли. Хэ Ди, поджав губы, смерил взглядом Его Светлость и невозмутимо прервал молчание:

— Хе-хе, князь Мин шутит. Как мы можем являться даньлинскими пиратами, о которых ходит дурная слава?

Под недоверчивым взглядом Фэн Мина, который совершенно не верил его словам, Хэ Ди для видимости слегка шлёпнул себя по лбу:

— А-а, точно, совсем забыл повесить флаг нашей страны. Кун Лю, выполняй.

На что слуга, немедля проронив «слушаюсь!», обернулся и громко приказал:

— Вывесить флаг!

— Вывесить флаг!

И вскоре на глазах у всех людей, как Сяо, так и Силэй, яркий флаг взвился ввысь, развеваясь на ветру.

Некогда воспитанный множеством наставников, посылаемых Жун Тянем, князь немного, но всё же знал, как выглядят знамёна благородных персон всех государств, потому стоило увидеть поднятый флаг, князь вытаращил глаза[18] и на какое-то время остолбенел, не в силах вымолвить и слова:

— Принц Даньлинь?

— Верно, — кивнул Хэ Ди, внезапно обнажая благоговейный вид, после чего через борт громко поприветствовал от имени своей страны: — Второй принц Даньлинь, Хэ Ди, рад видеть князя Мина из Силэй, по совместительству молодого господина рода Сяо.

После приветственной церемонии постоянно следующий за принцем Кун Лю, конечно же, не выдержал просто так стоять и тоже последовал примеру своего господина. Изначально крайне дурное отношение друг к другу сменилось, став ни на что не похожей церемонией, позволяя всем теряться в догадках.

— Молодой господин Сяо, Фэн Мин, рад видеть второго принца Даньлинь, — улыбнулся князь и, так же обратившись к Хэ Ди, поклонился, отвечая.

Люди Жун Тяня также последовали примеру князя и неохотно поприветствовали новоявленных гостей, а вот что касается людей Сяо Цзуна, то они, перенимая пример с Ло Юня, уставились на Хэ Ди, совершенно ничего не делая, и по-прежнему сжимали рукояти меча, как бы говоря: «Мы, если что-то пойдёт не так, кинемся и поубиваем вас всех».

Однако Фэн Мин не давал приказа отчаиваться; ответив на вежливость взаимностью, Его Светлость после поклона выпрямился и, убрав с лица улыбку, превратился в несравненно серьёзного человека и приглушённо сказал:

— Раз уж явившийся оказался Вашим Высочеством вторым принцем Даньлинь, тогда простите меня за откровенный вопрос. Мы не создавали проблем Вашей стране и не враждовали, так почему же принц несправедливо напал на нас на реке Оман в пределах государства Тун? Неужели беспричинная атака — «старая добрая» даньлинская традиция? — при обращении к Его Высочеству Даньлинь манеры князя, вполне естественно, различились с тем «гостеприимством», оказанным главарю морских разбойников.

Следовало иметь в виду: пираты приходили, не отбрасывая тени, и уходили, не оставляя следов[19]; убив и ограбив, тотчас же бросались в бегство, потому, совершая зло, им не нужно было учитывать последствия. Однако вместо разбойников оказался царствующий род Даньлинь, в таком случае дело в корне отличалось, ведь всё же спрячешь монаха, но храм нет[20], даже если это островное государство.

В случае их полного поражения стоило бы только Жун Тяню получить данную новость, как через несколько дней он, несомненно, отомстил бы.

Потому анализируя в голове оправдания, Фэн Мин предположил: «Возможно... мог... вероятно... с малой вероятностью умереть от рук противника. Конечно, трудно было сказать, является ли противник в лице принца сумасшедшим. А сам-то я как мог чем-то его обидеть, а? Увы, ничего другого не заботит. Сейчас самое главное — сначала вселить в противника страх. Но учитывая, что противник уже давно вверг в трепет нас, теперь надо каким-нибудь способом хоть немного страха вернуть ему.

Как раньше учил Жун Тянь? Ик, кажется, когда оба войска заняли боевую позицию и если военных сил недостаточно, то необходимо подкрепление, поскольку война необязательно разворачивается на фронте, но ещё затрагивает тыл, где сила каждого может быть могучей или же, наоборот, её нет. Для командования обоих войск крайне важно, заняв боевую позицию, вести переговоры с противником. В истории множество примеров, когда наиболее слабый главнокомандующий одной из сторон, вынужденно прибегнув к таланту оратора, расписал во всех красках последствия готовящейся войны, дабы вражеский командир их обдумал и, опираясь на не одностороннее политическое предположение, в итоге благополучно ретировался».

Во время обучения Жун Тянь так докучал ему, Фэн Мину, болтовнёй, что у последнего начиналось головокружение, и, глупо уставившись, последний спрашивал:

— То есть, если не можешь нанести удар, нужно пускать в ход запугивание?

Несчастный учитель Жун Тянь с улыбкой на устах вздыхал и, вынужденно кивнув, говорил:

— Верно, — после чего, так или иначе отложив в сторону уроки военного искусства, мужчина брал глупого ученика на руки и укладывал в постель, где разворачивал поле боя, преподавая другой урок «физических упражнений». Вот только сейчас не время было думать о таких постыдных «физических упражнениях», к тому же Фэн Мин с трудом вспомнил учение Жун Тяня: «Не можешь нанести удар, немедля запугивай». Ну а что касается запугивания, то у Его Светлости имелось кое-что в запасе.

— Мой Силэй обширен и богат природными ресурсами, военной мощи в избытке, и всегда с Вашей страной мы жили в мире и согласии. И хоть сейчас в стране возникла небольшая смута и пока Жун Тянь не вернулся на родину, однако император Дунфань перешёл на сторону Жун Тяня, ну а возвращение Силэй дело времени, которое не затянется на долгий срок. Что же касается рода Сяо, то повсюду рассредоточено множество мастеров меча, служащих семье Сяо. А случившееся сегодня ночью затронуло ещё и правящий дом Тун. Вызвав недовольство стольких людей, неужели принц не думал о последствиях? — равнодушно буркнул Фэн Мин. — Беспочвенно разгромив корабли моего рода Сяо вместе с судном правящего дома Тун, прошу Ваше Высочество дать мне логичный на всё это ответ. Иначе, если сегодня ночью нам суждено здесь погибнуть, в конце концов наступит день, когда кое-кто за меня отомстит, устроив кровавую баню всему Вашему дому Даньлинь!

Примечания:

[1] 斤斤 (jīn jīn) — циньпи лице — на пределе физических и духовных сил; выматываться,

изматываться.

[2] 全军覆没 (quán jūn fù miè) — цюань цзюнь фу ме — гибель всей армии, вся армия полностью разгромлена; обр. потерпеть полное поражение.

[3] Обр в знач.: понятно и без слов, аналог «ясно как божий день».

[4] 视死如归 (shì sǐ rú guī) — ши сы жу гуй — «смотреть на смерть как на возвращение домой», обр. в знач.: не бояться смерти, презирать смерть, смело смотреть смерти в глаза.

[5] 千钧一发 (qiānjūn yīfà) — цянцзюньфа — «тысяча цзюней на одном волоске», обр. в знач.: висеть на волоске; крайне опасное положение.

[6] В оригинале фраза звучит как «воды рек Цзиншуй и Вэйхэ [ясно] различаются»; обр. в знач.: видна разница; различие; отличаться друг от друга.

[7] 九流 (jiǔliú) — цзюлю — 9 направлений [10 школ] (философы III — I вв. до н.э.). Поначалу данное выражение относилось к различным академическим школам, но позже стало обозначать людей разных кругов, всё общество. В данном же контексте применяется, чтобы подчеркнуть нескончаемые серии сериалов по типу «Санта-Барбары».

[8] 狗屁 (gǒupì) — гоупи — можно перевести и как «чушь/вздор», но и как нецензурное выражение по типу «вашу ж мать».

[9] 抬不起头 (táibuǐ tóu) — тайбуци тоу — «не поднять голову», обр. быть занятым, подавленным.

[10] Со стороны матери.

[11] 米 (mǐ) — ми — сокр. метр; метровый.

[12] 修罗场 (xiūluóchǎng) — сюлочан — обр. в знач.: ужасная картина бойни. Место, где сражались асуры — демоны-титаны и царь богов Индра в древнеиндийской мифологии. Обычно используется для описания жестоких ситуаций.

[13] 任人宰割 (rènrén zǎigē) — жэньжэнь цзайгэ — позволять другим распоряжаться своей судьбой, отдавать себя на растерзание.

[14] 破罐子破摔 (pòguǎnzi pòshuāi) — погуаньцзы пошуай — «разбить сосуд, так как он треснутый», обр.: из-за недостатка или неудачи пустить всё на самотёк, перестать исправлять ошибки.

[15] Обр. в знач.: не добром — так силой; не милостью — так кнутом.

[16] Фэн Мин говорит 尊姓大名 (zūn xìng dà míng) — цзунь син да мин — что является вежливым обращением «могу узнать Ваше имя?».

[17] Желчный пузырь считаетсяместилищем храбрости; мера смелости (мужества, отваги).

[18] 睁眼闭嘴 (chēngmù jiéshé) — чэн му цзе шэ — вытаращить глаза и привязать язык, обр. в знач.: опешить, остолбенеть, от конфуза лишиться дара речи.

[19] Обр. в знач.: появляться и исчезать, словно по волшебству.

[20] Фраза 躲进和尚庙 (duǒ dé héshang, duǒ bùdé miào) — до дэ хэшан, до будэ мяо — «монах убежит, храм — нет» — образно означает «некуда бежать», «не удастся скрыться», «не

избежать».

<http://bllate.org/book/13377/1190238>